

Оригинальная статья

УДК 369.011

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

EDN: MCQQSC

Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов

Алефтина Александровна Гулюгина

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(algula@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Аннотация

В статье анализируется уровень и динамика покупательной способности денежных доходов населения России в разных социально-экономических условиях периода 2000–2022 гг., определяется глубина низкой обеспеченности и оценивается общая структура денежных доходов населения для обеспечения устойчивого позитивного тренда покупательной способности среднедушевых денежных доходов. Методология исследования опирается на модель социального расслоения, применяемую в мониторинговых исследованиях доходов и уровня жизни населения на основе покупательной способности душевых денежных доходов. Определено, что к 2007 г. покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения преодолела пороговые критерии социальных слоев с обеспеченностью низкого и ниже среднего уровней, достигнув уровня нижнего среднего слоя. Показано, что последующие годы характеризуются стагнацией покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения и высоким риском смещения её уровня к более низкому значению. Выявлено, что уровень модального среднедушевого денежного дохода в нашей стране является низким, а его покупательная способность соответствует низкой обеспеченности населения. Констатируется высокий уровень государственных расходов на социальные пособия и социальную помощь. Это свидетельствует о том, что условия для формирования позитивного тренда покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения на современном этапе, к сожалению, требуют быстрого роста государственных расходов на социальные пособия и социальную помощь из-за недостаточных темпов роста доходов от занятости как основного источника денежных доходов населения.

Ключевые слова: денежные доходы, дифференциация, низкая обеспеченность, покупательная способность денежных доходов населения, прожиточный минимум, экономическое расслоение, уровень жизни.

Для цитирования: Гулюгина А.А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 395–406. DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406; EDN MCQQSC

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

EDN: MCQQSC

Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges

Aleftina A. Gulyugina

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(algula@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

Abstract

The article analyzes the level and dynamics of the purchasing power of money incomes of the population of Russia in different socio-economic conditions of the period 2000–2022, determines the depth of low security and evaluates the general structure of money incomes of the population to ensure a stable positive trend in the purchasing power of per capita money incomes. The research methodology is based on the model of social stratification used in monitoring studies of incomes and living standards of the population based on the purchasing power of per capita cash income. It has been determined that by 2007 the purchasing power of the average per capita money income of the population has overcome the threshold criteria of social strata with low and below average levels of security, having reached the level of the lower middle stratum. It is shown that subsequent years are characterized by stagnation in the purchasing power of the average per capita cash income of the population and a high risk of its level shifting to a lower value. It was revealed that the level of modal per capita money income in our country is low, and its purchasing power corresponds to the low security of the population. A high level of public spending on social benefits and social assistance is stated. This indicates that the conditions for the formation of a positive trend in the purchasing power of the average per capita cash income of the population at the present stage, unfortunately, require a rapid increase in government spending on social benefits and social assistance due to insufficient growth in income from employment as the main source of cash income of the population.

Keywords: monetary income, differentiation, low security, purchasing power of the population's monetary income, subsistence minimum, economic stratification, standard of living

For citation: Gulyugina A. A. Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):395-406. (In Russ.) DOI https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406

Введение

Вопросы, связанные с уровнем жизни населения, сохраняют актуальность на всех этапах развития общества. Важнейший индикатор уровня жизни – покупательная способность денежных доходов населения, оценивающая номинальные денежные доходы и потребление в их количественной и качественной взаимосвязи. На макро- и мезоуровне покупательная способность денежных доходов населения дополняет показатели реальных и реальных располагаемых денежных доходов, увязывая уровень жизни населения с его социальными стандартами, на микроуровне она позволяет оценить принадлежность домохозяйств к тому или иному социальному слою по уровню жизни. Под влиянием вызовов, формирующих как ограничения, так и новые возможности, условия для роста уровня жизни населения трансформируются. Исследования покупательной способности денежных доходов населения позволяют сориентировать меры социальной политики по отношению к социальным слоям с различным уровнем жизни.

Теоретико-методологические основы изучения уровня жизни населения и ключевая роль покупательной способности денежных доходов населения в этом процессе показаны в коллективной научной монографии [1]. Научная позиция авторов в определении сущности покупательной способности денежных доходов населения состоит в том, что она «в концентрированном виде аккумулирует в себе как изменения собственно номинальных денежных доходов населения, так и изменения цен на основные товары и услуги, необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» [1, с. 491].

Исследования покупательной способности населения и её структурных компонентов проводятся российскими учёными в разных направлениях – в контексте социально-экономических проблем, во взаимосвязи с человеческим потенциалом, при изучении социального неравенства, стандартов потребления, территориальных диспропорций, бедности, социальной поддержки и т.д. [2–21]. Особое внимание учёные обращают на последствия проводимых реформ.

Согласно социологическим исследованиям, в начале 2000-х годов в России начала формироваться социальная структура, характерная для западных стран, при этом 44% россиян в 2001 г. оценивали материальные условия своей жизни как плохие, а 16% считали, что их жизнь в целом складывается плохо¹. 20-летние итоги реформирова-

ния, по данным социологических исследований, показали: низкий уровень жизни стал для населения бесспорным лидером проблем (имелась в виду не столько глубокая бедность, сколько малообеспеченность, когда доход позволял питаться хотя бы удовлетворительно и решать проблемы с одеждой), второе место в списке проблем отводилось отсутствию социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности [22, с. 77–96].

Удручающие последствия 20-летней капиталистической трансформации были продемонстрированы в научной публикации [23]. Это – рост неустойчивости занятости и слоя наименее оплачиваемых работников; увеличение масштабов бедности по доходам, используемым на потребление; избыточное социально-экономическое неравенство; высокая дифференциация жилищной обеспеченности населения; острые демографические проблемы; деградация образовательной сферы.

Существенно отличались выводы, посвящённые 20-летним итогам реформирования, сформулированные авторами доклада [24]. В частности, в докладе отмечалось, что в России за период 1989–2009 гг. произошли важные изменения в структуре потребления и образе жизни населения, процесс лучшего удовлетворения спроса населения был необратимым, рост расходов населения замещал недостаток государственного финансирования, после тяжелейшего кризиса были восстановлены масштабы экономики, а уровень жизни в целом повысился, упадка среднего уровня благосостояния населения России по сравнению с предреформенным уровнем не было. Вместе с тем, авторы доклада признавали, что главная сложность – это методологические и информационные проблемы. По мнению авторов статьи [25], экономический рост 2000-х годов привел к превращению среднеобеспеченных в значимую социальную силу, в результате в России по международным методикам для развивающихся стран не осталось бедных, а в образе жизни и потреблении продуктов питания, товаров длительного пользования произошло сближение между бедными и небедными домохозяйствами, что привело к смещению ценностей выживания к ценностям в области человеческого развития и возникновению предпосылок для дальнейшего смещения.

Научные исследования последних лет свидетельствуют о том, что значительная часть российского общества в настоящее время продолжает испытывать дефицит денежных средств, оставаясь стеснённой в расходах – за период 1993–2021 гг. наиболее существенно возросла (с 34 до 53%) группа граждан с доходами, которых хватает толь-

¹ Михаил Горшков: Условия плохие, а живем сносно // VIPERSON: [сайт]. 19 октября 2004. URL: <https://viperson.ru/articles/mihail-gorshkov-usloviya-plohie-a-zhivem-snosno?ysclid=lkz8s6ebop823023865> (дата обращения: 05.08.2023).

ко для приобретения необходимых продуктов и одежды, при сокращении, согласно самооценке, числа граждан в состоянии нищеты и бедности, и росте числа тех, кто может позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, а также тех, кто может купить всё [26, с. 57–58]. Итоги 30 лет капиталистической трансформации показывают, что в России сформировались значительные масштабы неустойчивой (прекаризованной) занятости и неустойчивого материального положения домохозяйств работников; сложился устойчиво низкий уровень потребления у основной части населения и одновременно высокое неравенство в текущем потреблении и обеспечении жилищем; отмечается хроническая жилищная бедность, закредитованность населения с высокими социальными рисками и с созданием опасных иллюзий о доступности материальных благ [27].

К 2022 г. значительных масштабов как на международном уровне, так и в России достигла экономическая нестабильность, провоцирующая социальные проблемы. В обзоре, опубликованном Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, отмечается, что изменилась международная среда для инвестиций, обозначилась подверженность тройному кризису (продовольственному, топливному, финансовому), рост цен на энергоносители и продукты питания вызывают кризис стоимости жизни, снижающий реальные доходы [28]. Коронавирусная пандемия спровоцировала новый комплекс проблем. Для России уникальность коронакризиса состоит в том, что «он в наибольшей степени осложнил положение той части населения, которая имеет средний уровень доходов и не занята в бюджетном секторе» [29, с. 20]. С позиции нарастания в России угроз национальной безопасности социальная и продовольственная безопасность приобрела ключевую значимость [30, с. 17].

Угрозу социальной безопасности несёт в себе высокое социальное неравенство. Согласно результатам мониторингового исследования доходов и уровня жизни населения России, в 2021 г. численность наименее обеспеченного (бедного) населения и населения низкой обеспеченности занимали в социальной структуре в совокупности 41,2% (12,7% и 28,5%, соответственно)² [31, с. 77]. В отличие от проблемы бедности, которая активно изучается, просчитывается и решается на уровне национальной цели³, проблема низкой

обеспеченности не имеет сколько-нибудь значительной определённости, хотя риски обеднения у населения низкой обеспеченности наиболее высокие по сравнению с другими социальными слоями, характеризующимися более высоким уровнем достатка. Для характеристики ситуации с низкой обеспеченностью информативным является показатель глубины низкой обеспеченности.

Объектом исследования является уровень жизни населения, *предмет исследования* – покупательная способность населения. *Цель исследования* – проанализировать уровень и динамику покупательной способности населения России в разных социально-экономических условиях в период 2000–2022 гг., определить глубину низкой обеспеченности и оценить общую структуру денежных доходов населения с точки зрения обеспечения позитивного тренда покупательной способности среднедушевых доходов населения. *Гипотеза исследования*: глубину низкой обеспеченности позволяет идентифицировать уровень покупательной способности модального душевого денежного дохода населения.

Методология и данные исследования

В исследованиях российских учёных применяются разные подходы при оценивании реального экономического положения населения. Первый из них опирается на статистические показатели – реальные и реальные располагаемые денежные доходы населения, покупательную способность населения. Реальные денежные доходы определяются путём деления индекса номинального размера денежных доходов населения на индекс потребительских цен за соответствующий временной период, реальные располагаемые денежные доходы определяются путём деления индекса номинального размера располагаемых денежных доходов населения (денежные доходы за вычетом обязательных платежей) на индекс потребительских цен⁴. Покупательная способность населения, согласно методологии статистики, выражается через товарный эквивалент среднемесячных денежных доходов населения и основой для её расчёта являются среднедушевые денежные доходы и средняя потребительская цена товара (услуги) – представителя⁵.

В настоящей работе понятие покупательной способности населения соответствует концепции мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения, согласно которой показатель

² Расчёты выполнены на основе прожиточного минимума, определённого по методологии 2020 года (по потребительской корзине).

³ Снижение к 2030 году уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года, согласно Указа Президента РФ от 21.07.2020 N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года".

⁴ Социально-экономическое положение России – 2023 г. Методологические пояснения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵ Методологические положения по расчёту показателей денежных доходов и расходов населения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023).

оценивает соотношение доходов и прожиточного минимума как минимально приемлемого стандарта текущего потребления [1; 32]. Уровень покупательной способности доходов населения (ПС) в виде количества наборов прожиточного минимума в душевых денежных доходах характеризует в обобщённом виде достигнутый уровень жизни. Это легло в основу мониторинговых исследований социально-экономического расслоения, при котором идентифицируются разные модели доходной обеспеченности: наименее обеспеченные (бедные) с ПС доходов менее 1ПМ в среднем на душу; низкообеспеченные с ПС 1-2ПМ; обеспеченные ниже среднего уровня с ПС 2-3,1ПМ; среднеобеспеченные с ПС 3,1-11ПМ; высокообеспеченные с ПС от 11ПМ [11; 31; 32]. Данная классификация используется в настоящей работе при оценивании уровня и динамики покупательной способности доходов населения в целом по России.

Прожиточный минимум в реализации российской социальной политики сегодня остаётся единственным официально признанным социальным стандартом качества жизни. Методы его определения неоднократно пересматривались: в 2000–2012 гг. расчёты проводились на основе нормативной потребительской корзины по минимальным нормативным наборам продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг; в 2013–2020 гг. нормативно-статистическим способом по нормативному минимальному продуктовому набору и досчётному оцениванию стоимости непродовольственных товаров и услуг; с 2021 г. относительным способом, исходя из величины медианного среднедушевого дохода, без участия потребительской корзины⁶. Радикальное изменение с 2021 г. методологии определения прожиточного минимума послужило основанием для выполнения специальных расчётов величины показателя на основе потребительской корзины, действовавшей до 2021 г., в целях проведения на принципах сопоставимости анализа динамических рядов величины прожиточного минимума и производных от него показателей уровня жизни населения.

За покупательной способностью среднедушевых денежных доходов населения скрывается неоднозначная покупательная способность разных видов денежных доходов. Для выявления проблемных аспектов фактической обеспеченности населения в работе анализируется покупательная способность денежных доходов основных источников, а также медианного и модального среднедушевого дохода как индикаторов распределения населения по уровню доходов.

⁶ Действие положения приостановлено до 01.01.2024 (ФЗ от 06.12.2021 N 409-ФЗ, от 05.12.2022 N 470-ФЗ).

Особое внимание уделяется низкой обеспеченности населения и её глубине. Под глубиной низкой обеспеченности понимается дефицит наиболее распространённого в рамках низкообеспеченного слоя душевого денежного дохода до верхней границы данного слоя с учётом уровня покупательной способности.

Информационную основу для исследования составили данные государственной статистики и результаты мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения. Для проведения исследования задействованы методы экономико-статистического анализа.

Результаты исследования

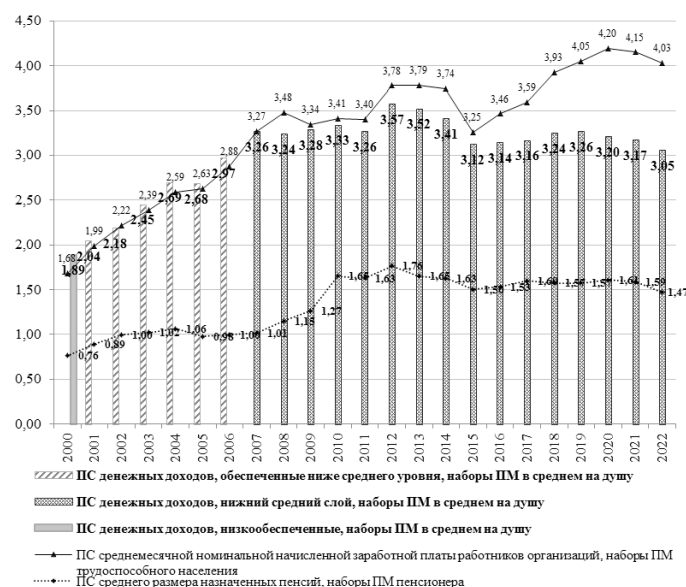
Покупательная способность *среднедушевых* денежных доходов населения за период 2000–2022 гг. выросла в 1,6 раза (до 3,05 в 2022 г.) (см. рисунок 1) в условиях роста доходов в 19,7 раза (до 44937 руб.) и прожиточного минимума в 12,2 раза (до 14728 руб.⁷). Исходя из критериальных значений социально-экономической дифференциации, используемых в мониторинговых исследованиях, и распространяя их с некоторой степенью условности на 2000–2022 годы, могут быть выделены три социальных слоя: низкообеспеченные (1–2ПМ), обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,1ПМ), нижний средний слой (3,1–4ПМ).

Активный рост покупательной способности доходов населения в рассматриваемом периоде пришёлся на 2001–2006 гг., когда ситуация в экономике складывалась благоприятной и индекс физического объёма ВВП на душу населения ежегодно составлял более 105%⁸. За шесть лет был преодолен переход среднедушевой ПС от низкого уровня обеспеченности (2000 г., 1,89 ПМ в среднем на душу) к среднему уровню обеспеченности (2007 г., 3,26 ПМ), хотя и в пределах нижнего среднего слоя.

Период 2007–2022 гг. был осложнён экономическими кризисами, антироссийскими санкциями, коронакризисом, нарастанием международного военно-политического напряжения. В результате на протяжении этого периода покупательная способность душевых доходов населения не превышала 3,57 среднедушевых ПМ (2012 г.). Показатель снижался не только в условиях экономических кризисов – за 16 лет по совокупности 8 лет были с положительной динамикой покупательной способности душевых доходов населения и также 8 лет с её отрицательной динамикой. Худшим стал 2022 год как результат трёхлетнего снижения, начиная с коронакризисного 2020 г.

⁷ Рассчитано по потребительской корзине, действовавшей в 2020 г.

⁸ Индексы физического объёма валового внутреннего продукта на душу населения (в процентах к предыдущему году) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 10.07.2023).

Рисунок 1. Уровень покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, среднего размера назначенной пенсии в период 2000–2022 годы

Figure 1. The Level of Purchasing Power of the Average per Capita Monetary Income of the Population, the Average Monthly Nominal Accrued Wages of Employees of Organizations, the Average Size of the Assigned Pension in the Period 2000–2022

Примечание: трактовка покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения не распространяется на покупательную способность заработной платы и пенсии.

Источники: рассчитано на основе данных Росстата⁹.

В результате уровень показателя в 2022 г. оказался наименьшим с 2007 г.

Расчёты покупательной способности *медианного* среднедушевого дохода показывают, что в 2014–2022 годы его уровень был ниже, чем по среднедушевым денежным доходам, составляя 2,3–2,5 ПМ в среднем на душу, а покупательная способность модального среднедушевого дохода, т.е. наиболее часто встречаемого, указывала на низкую обеспеченность, составляя всего лишь 1,3–1,4 ПМ (см. таблица 1). При этом наблюдается сближение обоих показателей с критериальными границами покупательной способности доходов в более низких слоях.

У средней начисленной заработной платы работающих покупательная способность выше, чем по среднедушевым денежным доходам. У работников организаций в 2022 г. она выросла относительно 2000 г. в 2,4 раза – до 4,03 ПМ трудоспособного населения с максимумом 4,20 ПМ в 2020 г. (см. рисунок 1). Для всех наёмных работников (в организациях и у индивидуальных предпринимателей) покупательная способность начисленной заработной платы существенно ниже

⁹ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

из-за более низкой заработной платы наёмных работников в неформальном секторе занятости. В 2022 г. она составила 3,18 ПМ трудоспособного населения¹⁰. Вместе с тем, расчёты на основе данных выборочного обследования организаций без субъектов малого предпринимательства за апрель, которое охватывает крупные и средние организации всех видов экономической деятельности и форм собственности, показывают, что покупательная способность медианного размера начисленной заработной платы составляла в 2017, 2019, 2021 годах всего лишь 2,6–2,9 ПМ трудоспособного населения второго квартала¹¹.

¹⁰ Информация о среднемесячной начисленной заработной плате наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячном доходе от трудовой деятельности) // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹¹ Уровень оплаты труда, медианное значение начисленной заработной платы работников организаций по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Таблица 1

Покупательная способность среднедушевых денежных доходов, медианного и модального среднедушевых денежных доходов в период 2014–2022 годы¹²

Table 1

Purchasing Power of per Capita Monetary Income, Median and Modal per Capita Monetary Income in the Period 2014–2022

	Покупательная способность, наборы ПМ в среднем на душу населения		
	среднедушевого денежного дохода	медианного среднедушевого дохода	модального среднедушевого дохода
2014 г.	3,41	2,53	1,40
2015 г.	3,12	2,33	1,30
2016 г.	3,14	2,35	1,31
2017 г.	3,16	2,37	1,33
2018 г.	3,24	2,41	1,34
2019 г.	3,26	2,42	1,36
2020 г.	3,20	2,39	1,37
2021 г.	3,17	2,37	1,34
2022 г.	3,05	2,36	1,39

Источники: рассчитано на основе данных Росстата¹³.

Сохраняется высокая дифференциация покупательной способности заработной платы по видам экономической деятельности. Наиболее значительной она отмечается у работников, деятельность которых связана с добычей нефти и природного газа. В 2022 г. покупательная способность средней заработной платы у них составила 10,4 ПМ трудоспособного населения, что на индивидуальном уровне позволяет говорить о принадлежности к верхнему среднему слою. В то же время в худшем положении находятся работники, деятельность которых связана с производством одежды (1,7 ПМ), что на индивидуальном уровне характеризует их как низкообеспеченных. Разрыв составил 6,1 раз¹⁴.

¹² Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹³ Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за 2000–2020 годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023). Медиана среднедушевого денежного дохода (медианный среднедушевой доход) в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Средний и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021–2022 гг. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

¹⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000–2022 гг. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 15.07.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Для 2021 г. в расчётах был использован прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Хронически низкой является покупательная способность среднего размера назначенной пенсии. Она увеличилась в 2022 г. к 2000 г. в 1,9 раз (до 1,47 ПМ пенсионера), достигнув наибольшего значения 1,76 ПМ пенсионера в 2010 г. (см. рисунок 1). Как категория пенсионеры с 2010 года были выведены из состояния бедности (принадлежности к наименее обеспеченному слою) Федеральным законом от 24.07.2009 года N 213-ФЗ, когда в реализацию социальной политики была введена региональная социальная доплата к пенсии для увеличения дохода неработающих пенсионеров до прожиточного минимума на территории проживания. Низкие пенсии побуждают лиц пенсионного возраста к продолжению трудовой деятельности. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом, показали, что из общего числа респондентов-пенсионеров каждый пятый-шестой пенсионер (17,8% от общего числа) в 2022 г. работал, однако эта доля работающих пенсионеров снижается – в 2011–2020 гг. она составляла 20% и более. Среди получателей пенсии по старости в 2022 г. работал каждый 4–5-й пенсионер (22,4% от общего числа получателей пенсии по старости), и их доля заметно возросла – в 2011–2020 гг. она составляла не более 18,8%.¹⁵

Поддержать уровень потребления в условиях низкой обеспеченности позволяют социальные пособия и социальная помощь. В 2000 г. выплаты на пособия и социальную помощь в общем объёме

¹⁵ Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 15.07.2023).

денежных доходов населения занимали 2,0%¹⁶, в 2014 г. – 4,6%, 2021 г. – 6,1% (см. таблица 2). Резкий рост этой доли пришёлся на коронакризисный 2020 г. – до 6,6% при 4,4% годом ранее.

В структуре денежных доходов доля оплаты труда в последние годы закрепились на уровне допандемийного 2019 г. – в пределах 57% (см. таблица 2). Доля пенсий с социальными доплатами является устойчивой, занимая 13–14% в структуре денежных доходов населения. Доходы как от

предпринимательской деятельности, так и от собственности с 2020 г. оказались меньше, чем объём выплат на пособия и социальную помощь. Это означает, что не только доходы от занятости, но и существенно возросшие объёмы выплат на пособия и социальную помощь по совокупности не обеспечили возврат на траекторию роста покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения – с 2020 г. её уровень снижался.

Таблица 2

Структура общего объёма денежных доходов населения и доля населения с доходами ниже среднедушевых и модального среднедушевого

Table 2

The Structure of the Total Monetary Income of the Population and the Share of the Population with Incomes Below the per Capita and Modal per Capita

	Годы					
	2014	2015	2019	2020	2021	2022
Денежные доходы – всего, %	100	100	100	100	100	100
в том числе						
оплата труда	54,9	52,8	57,3	57,2	57,2	56,7
доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности	7,0	6,5	5,9	5,2	5,7	6,2
доходы от собственности	4,8	5,1	5,1	5,8	5,7	5,3
прочие денежные поступления	15,1	17,4	12,9	10,4	10,8	10,8
социальные выплаты	18,2	18,2	18,8	21,4	20,6	21,0
из них						
– пенсии и доплаты к пенсиям	12,8	13,1	13,8	14,2	13,9	-
– пособия и социальная помощь	4,6	4,3	4,4	6,6	6,1	-
– стипендии и страховые возмещения	0,8	0,8	0,6	0,6	0,6	-
Доля населения с доходами ниже среднедушевых, %	65,0	64,9	64,9	64,7	64,8	64,2
Доля населения с доходами ниже модального среднедушевого, %	22,1	22,3	22,2	22,6	22,4	23,3
в том числе						
с доходами ниже величины ПМ (наименее обеспеченные (бедные))	11,3	13,4	12,3	12,1	12,7	11,9
с доходами от ПМ до модального (низкообеспеченные)	10,8	8,9	9,9	10,5	9,7	11,4

Источники: данные Росстата, расчёты на основе данных Росстата¹⁷.

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. // Росстат. М., 2022. С. 160.

¹⁷ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, май 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 15.07.2023). Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023). В расчётах покупательной способности доходов за 2021–2022 гг. использовался прожиточный минимум, определённый по потребительской корзине 2020 года.

Доля населения с доходами ниже среднедушевого в 2014–2022 гг. составляла 64–65%, свидетельствуя о том, что уровень покупательной способности среднедушевых доходов (3,05–3,57 ПМ в среднем на душу), соответствующий в социальной структуре нижнему среднему слою, был сформирован под влиянием высокодоходной части населения – в распределении доходов 5-й квинтильной группе принадлежит около 47% общего объёма денежных доходов¹⁸.

В то же время 50% населения имела душевые доходы ниже медианного с покупательной способностью (2,3–2,5 ПМ) социального слоя с ниже среднего уровнем жизни, а 22% населения (23,3% в 2023 г. по предварительным данным Росстата) имели душевые доходы ниже модального с покупательной способностью (1,3–1,4 ПМ) низкообеспеченного слоя. При этом отмечается взаимосвязь наименее обеспеченных (бедных) и низкообеспеченных с душевыми доходами ниже модального, которая проявляется в том, что по устойчивой общей их доле сокращение одних ведёт к росту других, и наоборот. Это указывает на то, что уровень жизни 22% населения страны хронически зависим от социальных пособий и социальной помощи, при этом почти половина из них, не являясь по критерию наименее обеспеченной (бедной), по своему уровню жизни крайне близка к состоянию бедности.

Учитывая, что покупательная способность модального душевого дохода составляет 1,3–1,4 среднедушевых ПМ или в среднем 1,35 ПМ, а пороговый критериальный уровень покупательной способности среднедушевых доходов низкообеспеченного слоя со слоем обеспеченных ниже среднего уровня – 2 ПМ, то разница 0,65 ПМ определяет дефицит медианного душевого дохода в размере 65% от прожиточного минимума, т.е. глубину низкой обеспеченности.

Серьёзным дестабилизирующим фактором для покупательной способности доходов является рост стоимости жизни. На рисунке 2 хорошо видно, что прожиточный минимум, как правило, дорожает более высокими темпами, чем это показывает индекс потребительских цен. Это обусловлено тем, что органами статистики отслеживаются потребительские цены по более чем 600 товарным позициям, в то время как в потребительской корзине прожиточного минимума (по методологии 2020 года) учитываются потребительские цены только на социально значимые товарные позиции нормативного продуктового набора (33 позиции). В кризисные годы темпы роста потребительских цен ускоряются, что отмечалось в 2008 г. и в 2015 г.

¹⁸ Распределение общего объёма денежных доходов по 20-ти процентным группам населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023).

В 2020 г. коронавирусная пандемия повлияла на ситуацию в лучшую сторону, однако это отыгралось в последующие 2021–2022 годы. За два этих года прожиточный минимум, рассчитанный по потребительской корзине, подорожал на 30,2% при росте потребительских цен на 21,3%.

В годы кризисов поведение населения в распределении доходов, как правило, корректировалось – снижалась доля потребительских расходов и возрастала доля доходов, направляемых на сбережения (2,7–9,1% в 2014–2021 гг.). Так, в 2015 г. доля потребительских расходов составила 77,2%, а прироста сбережений 9,1%, в 2020 г. – 75,7% и 9,1%, соответственно.¹⁹

Заключение

Результаты исследования показали, что покупательная способность среднедушевых доходов населения с 2007 г. закрепились в застойном положении, соответствующем нижнему среднему слою (3,1–4 ПМ) с высоким риском смещения на более низкий уровень.

Гипотеза исследования подтвердилась: выявлен крайне низкий уровень покупательной способности модального среднедушевого денежного дохода. Его уровень составляет 1,3–1,4 среднедушевых ПМ, устойчиво располагается в опасной близости к границе наименьшей обеспеченности (бедности) и характеризует глубину низкой обеспеченности 65% от ПМ, охватывая до 11% населения, что сопоставимо с долей наименее обеспеченного (бедного) населения. Более половины населения имеет доходы, покупательная способность которых существенно ниже, чем у среднедушевых денежных доходов. Главная причина – высокое экономическое неравенство, при котором 47% доходов стабильно принадлежит пятой квинтильной группе.

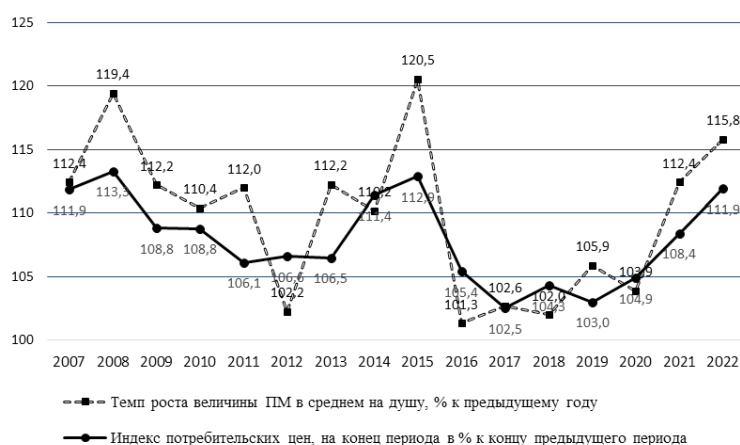
Основной источник доходов – оплата труда – в отдельных секторах экономики воспроизводит низкую обеспеченность на индивидуальном уровне и бедность при наличии иждивенцев. Дополняет картину устойчиво низкий уровень пенсионного обеспечения.

Неотъемлемой компонентой общей структуры денежных доходов населения стали социальные пособия и социальная помощь, которые по своей значимости для населения превзошли в последние годы доходы от предпринимательской деятельности и доходы от собственности.

Динамика покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения формируется в условиях усиления социальной поддержки за счёт социальных пособий и социальной помощи из-за недостаточного роста покупательной способности доходов от занятости.

¹⁹ Баланс денежных доходов и расходов населения (новая методология) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.07.2023).

Рисунок 2. Темпы роста величины прожиточного минимума в среднем на душу населения и индексы потребительских цен в России в 2007–2022 гг., в %

Figure 2. The Growth Rate of the Subsistence Minimum on Average per Capita and Consumer Price Indices in Russia in 2007–2022, in %

Источники: данные Росстата, расчёты на основе данных Росстата²⁰.

Существенно возросшие с 2020 г. объёмы выплат на пособия и социальную помощь (до более 6% в структуре доходов населения) не восполняют в последние годы недостаток основных источников доходов: заработной платы, предпринимательских доходов и доходов от собственности. При сохранении темпов роста ос-

новых источников доходов без должного учёта темпов роста стоимости жизни условием для возврата на траекторию роста покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения становится дальнейшее повышение объёмов выплат на социальные пособия и социальную помощь.

Список литературы

1. Качество и уровень жизни населения в новой России: (1991–2005 гг.) / В.Н. Бобков, В.А. Литвинов [и др.]. М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007. 719 с. ISBN 978-5-87227-033-1; EDN YOZLJR
2. Литвинов В.А. Денежные доходы и покупательная способность населения регионов России. М.: ВЦУЖ, 1998. 203 с.
3. Такмакова Е.В. Покупательная способность доходов населения как фактор экономического роста // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3(37). С. 45–52. EDN MXHDTF
4. Абрамян С.И., Федотов А.А. Человеческий потенциал и уровень жизни населения: функциональные взаимосвязи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12(94). С. 11–14. DOI <http://dx.doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>; EDN JTWIPU
5. Литвинов В.А. Покупательная способность россиян в условиях кризиса // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 8–9. С. 98–104. EDN MBWJJB
6. Алехина А.А. Снижение покупательной способности денежных доходов населения как социально-экономическая проблема // Россия и новые вызовы: экономика и общество: материалы II Международной научно-практической конференции; (Курск, 19 апреля 2023 года). Курск: Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова, 2023. С. 9–14. EDN KEOPP
7. Фрумкин Б.Е. Дифференциация доходов населения и потребление продовольствия как опекаемого блага // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3(47). С. 184–189. DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-9>; EDN ANQTPZ
8. Milanovic B. Global Income Inequality: What It Is And Why It Matters? // UN Department of Economic and Social Affairs. DESA Working Paper. 2006. No. 28. 17 p.
9. Simonovits A. Simple Models of Income Redistribution. 2018, Palgrave Macmillan. 292 p. ISBN 978-3-319-72501-7; DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72502-4>

²⁰ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 10.07.2023). Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2000–2020 годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 10.07.2023). Величина ПМ за 2021–2022 гг. рассчитана по потребительской корзине 2020 г. для сопоставимости динамического ряда.

10. Bussolo M., Checchi D., Peragine V. Long-term evolution of inequality of opportunity: Educated parents still matter // *The Journal of Economic Inequality*. 2023. Vol. 21. Iss. 2. P. 277–323. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09562-6>
11. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. № 3(31). С. 170–186. DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8>; EDN WRKYZB
12. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Том 13. Вып. 4. С. 971–984. DOI <http://dx.doi.org/10.17059/2017-4-1>; EDN XIGYOK
13. Kanbur R. Sustainable Development Goals and the Study of Economic Inequality // *The Journal of Economic Inequality*. 2021. Vol. 19. Iss. 1. P. 3–11. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09452-9>
14. Воронкова Е.К., Громова Е.И., Керн И.Т. Современные реалии социальных стандартов Российской Федерации: потребительская корзина и уровень жизни // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2019. № 4(106). С. 23–31. DOI <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-23-31>; EDN RGFOTT
15. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть первая) // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 3. С. 4–15. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.1>; EDN SYEGLZ
16. Бобков В.Н., Одицова Е.В., Гулюгина А.А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть вторая) // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 4. С. 4–18. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1>; EDN YHFSEL
17. Суринов А.Е., Лунтов А.Б. Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // *Экономика региона*. 2021. Том 17. Вып. 3. С. 814–827. DOI <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>
18. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Издательство Дело. 2019. 52 с. ISBN 978-5-7749-1427-2; EDN VUAWLM
19. Growing up poor but doing well: Contextual factors that predict academic success / R. Jagannathan, L. Donnelly, S. McLanahan [et al.] // *The Journal of Economic Inequality*. 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 169–200. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09549-3>
20. Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy // *Current Anthropology*. 2014. No. 55(9). P. 4–16. DOI <https://doi.org/10.1086/676327>
21. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF
22. Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров: аналитический доклад: сборник научных трудов / ред. В.В. Петухов, М.К. Горшков, Р. Крумм. М.: Весь Мир, 2011. 326 с. ISBN 978-5-7777-0529-7
23. Бобков В. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // *Российский экономический журнал*. 2012. № 2. С. 10–28. EDN PFRYQH
24. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст]: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон [и др.]; (Москва, 5–7 апр. 2011 г.); рук. авт. колл. Е.Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 86 с.
25. Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Изменения в уровне доходов, потребления, бедности и в социальных запросах российского населения в течение 2000–2012 годов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 12(190). С. 11–27. EDN SBDJRL
26. Левашов В.К. Тридцать лет и момент истины российских трансформаций // *Россия реформирующаяся: ежегодник*: вып. 20. 2022. С. 47–79. DOI <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.2>; EDN DGXUPA
27. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // *Российский экономический журнал*. 2022. № 1. С. 78–107. DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>; EDN YGFLOH
28. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment (enterprise.press) // UNCTAD: [website]. URL: [https://unctad.org/publications-search?f\[0\]=product%3A397](https://unctad.org/publications-search?f[0]=product%3A397) (дата обращения: 24.06.2023).
29. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А.Г. Аганбегян, А.Н. Клепач, Б.Н. Порфирьев, М.Н. Узяков, А.А. Широков // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 6(183). С. 18–26. DOI <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>; EDN VDIXXR
30. Винслав Ю.Б. 2022: экономические тренды, актуализация факторов национальной безопасности в системе макроуровневого стратегического планирования // *Российский экономический журнал*. 2022. № 1. С. 4–31. DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-4-31>; EDN VFHXEA
31. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2021 год: [Монография]. Вып. 5(201) / В.Н. Бобков [и др.]; Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 114 с. ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>; EDN ANDDTL
32. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. 25 лет Мониторинга доходов и уровня жизни населения России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Том 16. № 3. С. 9–23. DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1>; EDN ASIDQD

Информация об авторе:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: algula@mail.ru) (ПИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018).
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023; одобрена после рецензирования 11.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

References

1. Bobkov V.N., Litvinov V.A. et al. The quality and standard of living of the population in the new Russia (1991-2005). Moscow: VTSUZH. 2007. 719 p. (In Russ.) ISBN 978-5-87227-033-1
2. Litvinov V.A. Monetary income and purchasing power of the population of the regions of Russia. Moscow: VTSUZH. 1998. 203 p. (In Russ.)
3. Takmakova E.V. Purchasing power of household income as a factor of economic growth. *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2010;3(37):45-52. (In Russ.)
4. Abramyan S.I., Fedotov A.A. Human potential and the standard of living of the population: functional relationships. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice.* 2022;12(94):11-14. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.24412/2411-0450-2022-12-1-11-14>
5. Litvinov V.A. Purchasing power of Russians in the crisis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2009;(8-9):98-104. (In Russ.)
6. Alyokhina A.A. Reduction of the purchasing power of monetary incomes of the population as a socio-economic problem. Russia and New Challenges: Economy and Society: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. (Kursk, April 19, 2023). Kursk: Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanov. 2023;9-14. (In Russ.)
7. Frumkin B.Ye. Income differentiation and consumption of food as a patronized good. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii = New Economic Journal.* 2020;3(47):184-189. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-9>
8. Milanovic B. Global Income Inequality: What It Is And Why It Matters? UN Department of Economic and Social Affairs. DESA Working Paper. 2006. No. 28. 17 p.
9. Simonovits A. Simple Models of Income Redistribution. 2018, Palgrave Macmillan. 292 p. ISBN 978-3-319-72501-7; DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-319-72502-4>
10. Bussolo M., Checchi D., Peragine V. Long-term evolution of inequality of opportunity: Educated parents still matter. *The Journal of Economic Inequality.* 2023;21(2):277-323. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09562-6>
11. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii = New Economic Journal.* 2016;3(31):170-186. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-8>
12. Bobkov V.N., Kolmakov I.B. Identifying the social structure and the inequality of monetary incomes of the population of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = Economy of Region.* 2017;13(4):971-984. (In Russ.) DOI <http://dx.doi.org/10.17059/2017-4-1>
13. Kanbur R. Sustainable Development Goals and the Study of Economic Inequality. *The Journal of Economic Inequality.* 2021;19(1):3-11. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09452-9>
14. Voronkova E.K., Gromova E.I., Keri I.T. Present Day's Realities of Social Standards in the Russian Federation: Consumer Basket and Living Standard. *Vestnik Rossiiskogo ehkonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics.* 2019;(4):23-31. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-23-31>
15. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Gulyugina A.A. Consumer basket as the basis for the State guarantees of minimum monetary income of Russian citizens (Part 1). *Narodonaselenie = Population.* 2020;23(3):4-15. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.1>
16. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Gulyugina A.A. Consumer basket as the basis for the State guarantees of minimum monetary income of Russian citizens (Part 2). *Narodonaselenie = Population.* 2020;23(4):4-18. DOI <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.1> (In Russ.)
17. Surinov A.E., Luppov A.B. Influence of Regional Differences in the Cost of Living on National Income Inequality. *Ekonomika Regiona = Economy of Region.* 2021;17(3):814-827. DOI <https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2021-3-7> (In Russ.)
18. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting. M.: Delo Publishing House. 2019. 52 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7749-1427-2
19. Jagannathan R., Donnelly L., McLanahan S. et al. Growing up poor but doing well: Contextual factors that predict academic success. *The Journal of Economic Inequality.* 2023;21(1):169-200. DOI <https://doi.org/10.1007/s10888-022-09549-3>
20. Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy. *Current Anthropology.* 2014;55(9):4-16. DOI <https://doi.org/10.1086/676327>
21. The standard of living and quality of life of the Russian population: from reality to designing the future. Ed. by V.N. Bobkov (ed.), N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva. Moscow: FCTAS RAS, 2022. 274 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>
22. Twenty years of reforms through the eyes of Russians. The experience of many years of sociological measurements: analytical report: collection of scientific papers; Ed. by V.V. Petukhov, M.K. Gorshkov, R. Krumm. Moscow: The Whole World. 2011. 326 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7777-0529-7
23. Bobkov V. Depressing social results of the twenty-year capitalist transformation of Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal.* 2012;(2):10-28. (In Russ.)
24. Andrushchak G.V., Burdyak A.Ya., Gimpelson V.E. [et al.] The level and way of life of the population of Russia in 1989-2009 [Text]: dokl. to the XII International Scientific Conference on problems of economic and social development. (Moscow, 5-7 Apr. 2011); Ed. by E.G. Yasin.; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 86 p. (In Russ.)
25. Dmitriev M.E., Misikhina S.G. Changes in the level of income, consumption, poverty and social needs of the Russian population during 2000-2012. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2013;12(190):11-27. (In Russ.)
26. Levashov V.K. Thirty years and the moment of truth of Russian transformations. *Russia in reform: yearbook.* 2022;(20):47-79. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.2>

27. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia. *Russian Economic Journal*. 2022;(1):78–107. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>
28. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment (enterprise.press). UNCTAD: [website]. URL: [https://unctad.org/publications-search?f\[0\]=product%3A397](https://unctad.org/publications-search?f[0]=product%3A397) (date of application: 24.06.2023).
29. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiryev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2020;6(183):18-26. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26>
30. Vinslav Yu.B. 2022: The rise of threats to national security, the actualization of the tasks of improving the quality of state management of the economy. *Russian Economic Journal = Russian Economic Journal*. 2022;(1):4-31. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-4-31>
31. Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia – 2021. Vol. 5(201). Ed. by V.N. Bobkov, A.A. Gulyugina. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 114 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-398-0; DOI <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022>
32. Bobkov V.N., Gulugina A.A. 25 Years of Monitoring Income and Living Standards of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):9–23. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.1>

Information about the author:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia (e-mail: algula@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018). The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.08.2023; approved after reviewing 11.08.2023; accepted for publication 15.08.2023